

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫМ ЗНАКОМ НЕТИПИЧНЫХ ФУНКЦИЙ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

(на материале современного английского языка)

Левицкий А. Э.

Киевский национальный лингвистический университет

Реализация языковым знаком своей нетипичной (хоть и потенциальной) функции в коммуникативном акте способна существенно повлиять на такие его стороны, как синтаксическую (т. е. изменить отношения между знаками в процессе речепроизводства), семантическую (т. е. изменить отношения между знаком, сигнификатом и конкретным референтом), прагматическую (т. е. способствовать свежести восприятия адресатом интенции адресанта, а также интенсификации перлокутивного эффекта путём введения в коммуникативный акт языковой единицы, ранее употреблявшейся в другой функции). Иными словами, в языке могут сосуществовать разные единицы с одинаковым планом выражения, но существенно отличающиеся по своим знаковым характеристикам. Данное явление объясняется способностью языкового знака к асимметрии и находит свое отражение в функциональных особенностях системы современного английского языка.

Не отвергая оригинальных теорий взаимоперехода частей речи [см., напр., Вихованец 1988; Зернов 1986; Лукин 1986; СРЯ 1995], отметим, что в данном вопросе мы выступаем с несколько других позиций. То, что анализ в вышеперечисленных исследованиях проводится на формально-лингвистическом уровне, который игнорирует человека как продуцента высказывания, т. е. активную, действующую языковую личность, представляется весьма очевидным. Кроме того, в подобных исследованиях не обращается внимания на *появление* новой языковой единицы - омонимичной первоначальной, при полной идентичности их материальной формы, поскольку сама идея взаимоперехода не затрагивает проблему изменений в системе языка, а лишь фокусирует внимание на приобретении одной и той же единицей новых частеречных показателей. Правомернее, на наш взгляд, ставить вопрос о реализации языковой единицей ее потенциальных функций, которые не проявлялись ранее. Подобная актуализация является результатом функциональной переориентации единицы в нетипичном окружении. Наиболее наглядно, на наш взгляд, данный процесс прослеживается на примере разноуровневых языковых единиц для удовлетворения функциональных потребностей высказывания. Весьма трудно также признать, что основу подобной трансформации составляет синтаксис, а уже затем подвергаются изменению морфологические показатели (ср. три ступени перехода частей речи - 1) синтаксический; 2) морфологический; 3) семантический [Вихованец 1988: 20]). Главным, на наш взгляд, в данной ситуации выступает все же форма передачи информации реципиенту высказывания для адекватного понимания. Отметим также, что в современном английском языке лексические единицы характеризуются значительной позиционной подвижностью, что способствует семантико-синтаксическому варьированию в рамках реализации их

функциональных потенций. Именно поэтому теория интеграции частей речи Б. Е. Зернова [см. 1986: 48-50] представляется не вполне соответствующей языковой действительности. Более соответствует истине, по нашему мнению, позиция В. М. Никитевича, указавшего, что "стремление во всех случаях многофункциональности увидеть некий необратимый исторический процесс приводит к объединению под общей рубрикой "взаимоперехода" фактов подлинного перехода (например, в нареч. *навек*, *вволю*, в прил. *неумолимый*, *будущий*) с употреблением лексемы в несобственной синтаксической функции, даже с окказиональным употреблением типа "без всяких "но"" [Никитевич 1968: 178]. К примеру, "Всякий начинающий мемуарист обязан объяснить читателю, почему он стал "не могу молчаликом"" ("Комсомольская правда" 5/IX, 1997); "The music wa-wa-was out, fifties-style, in a movie-title sequence that ends on a big, geitzy juke box /.../ (D. Potter); Hopper sighs, seriously bored, looks around with enormous discontent, and then, side-of-mouth to Berry – "Bum tit-tit bum tit-tit" (Ibid.); Faintly at first, or even mockingly, a familiar boo-wah-ba fifties pop-chorus begins (Ibid.).

На резонный вопрос М. Ф. Лукина "Переход частей речи или их субституция?" [1982] мы отвечаем: «Субституция, наблюдаемая на синхронном срезе развития языка». Функционирование в новом значении, т. е. нехарактерное для слова заполнение конкретной синтаксической позиции в высказывании скорее определяется фактами синтаксического употребления речи, а не языка. Таким образом, это - не переход, а качественно новое лексико-грамматическое явление, которое может быть квалифицировано как субституция, т. е. образование словами, относящимися к тем или иным частям речи, своих новых лексико-грамматических форм и относительно регулярное использование в качестве заместителей потенциальных словоформ других частей речи. В акте коммуникации мы имеем дело не со словом - лексемой в полном объеме его значений, а только с его отдельными словоформами, которые при субституции выступают исходными. В результате подобной субституции появляется вторичное (производное) значение, которое ведет к функциональной омонимии, допускающей различные степени ассимиляции. О субституции, т. е. замене определенной окказиональной синтаксической позиции, в результате чего возникают синкретичные образования, свидетельствует реализация потенциальных характеристик, в частности, на материале междометий [Григорян 1988], модальных слов [Князева 1993], частиц [Рассоха 1982], предлогов [Алиева, Сидоренко 1996]. К примеру, традиционный предлог *on* в заглавии статьи "Surrogancy not on" ("Daily Express", 13/II, 1996) служит для замещения глагола; междометие *brouhaha* замещает позицию существительного в "We do not want a brouhaha, investigation, stones turned over" (J. Symons); целый ряд языковых единиц способен замещать традиционные прилагательные: "How was the James Joyce conference?" (J. Symons); "But its very nature the pop group has become an ever-changing symbol of today's throw-away culture /.../ gives their heroes a built-in odsolescence" ("Daily Express", 13/II, 1996); ".../ groups of bachelor young men

have always engaged in end-of-rites of passage ceremonies, all-male activities /..../ (Ibid.). Отметим, что даже отдельные глаголы способны на нерегулярное замещение позиции существительного: “*How ecstasy can lie in wait to kill*” (“*Daily Express*”, 13/II, 1996). Довольно велики возможности и промежуточных образований, принадлежащих к зоне «слово – словосочетание»: “*Rent-a-mother on NHS*” (“*Daily Express*”, 13/II, 1996) (замена позиции существительного) и “*Doctors are planning the first rent-a-mother birth on the National Health Service*” (Ibid.) (замена позиции традиционного прилагательного).

С проблемой субституции одних языковых знаков другими пересекается проблема прагматического транспонирования [Муравьева 1996, 93-95] как частного случая функциональной переориентации. Полнозначные предложения как языковые единицы способны приобретать нехарактерную прагматическую ориентацию в высказывании, т. е. новые функции. К примеру, констатив по форме становится инъюнктивом по содержанию, т. е. свободное предложение > междометием (*Snug’s the word!*); констатив > директивом (*You can’t fly on one wing!*); констатив > квеситивом (*That’s up against you!*); констатив > рефьюзивом (*That’s all I need!*); квеситив > рефьюзивом (*What’s the big idea?*); квеситив > инъюнктивом (*Who’s milking this cow?*); квеситив > перформативом (*Is that the way to London?*); промисив > рефьюзивом (*That won’t wash!*); промисив > позитивом (*Now we shan’t be long!*); перформатив > инъюнктивом (*That’s the ticket for soup!*); перформатив > рефьюзивом (*Thank you and good night!*).

Таким образом, функциональная переориентация языковых единиц выступает заметным явлением не только в системе языка, но и в структуре высказывания, поскольку функции-потенции, которыми обладают единицы словарного состава языка, присущи и коммуникативно-предикативным образованиям в ходе их реализации в акте коммуникации. Наличие данных функций-потенций существенно расширяет возможности субституции одних языковых единиц другими в рамках современного английского высказывания.

Взаимодействие языковых единиц в высказывании, представляющее важнейший компонент реализации их значимых характеристик, определяются как концептуальной, так и лексической совместимостью [Уфимцева 1986, 190-197]. Реальное использование единиц номинации в высказывании допускает изменение их семантической структуры, а также лексическое изменение, включая смену денотативного, сигнификативного и прагматического аспектов значения, как, впрочем, и системных аспектов, что приводит к функциональной переориентации номинативного элемента. Среди семантических изменений следует назвать случаи фигурального использования единиц с конкретным значением в абстрактном значении; генерализации значения; получение эпистемического значения модальными глаголами современного английского языка [Traugott 1989: 31-55]; приобретение семы предикатности взамен семы абстрактности (*beauty* > *a beauty*); семы конкретности взамен семы абстрактности (*life* > *the life of Byron*). Среди лексических изменений, которые тесно связаны с семантическими, отметим синонимы, являющиеся таковыми только благодаря контексту (*dry, dusty*

sound (*W. Faulkner*)), также как и изменения в структуре вокабуляра языка, приводящие к вытеснению одних единиц и появлению у них новых синонимов. Однако согласимся с тем, что «it is hard to picture them simultaneously choosing among different meanings for the same word in the same context» [IEL 1992: 388].

Поскольку во главу угла мы ставим функциональный аспект использования языковых единиц и их функциональные особенности, отметим особенности семантики единиц номинации, проявляющиеся при их синтагматической реализации. «Разграничения слов в синтагматике в случае их некорректной системной реализации порождают новую значимость, как правило, присущую в равной мере обоим сочетающимся словам» [Уфимцева 1968: 201]. В системе языка номинативный элемент его структуры служит средством закрепления и хранения общественно-познавательного опыта, а исторически обусловленная преемственность языка создаст значительный потенциал его семантического варьирования. Причем, аналитические лексические единицы, фразеологизмы, другие номинативные комплексы не возникают в ходе высказывания каждый раз заново, а лишь воспроизводятся, поскольку предопределены связями внутри системы языка, в частности, моделями лексической сочетаемости, системным семантическим (обязательным) контекстом, хотя внутри данного процесса диахронически находится речевое (в определенной мере субъективное) линейное соположение определенных языковых знаков. Лишь позже происходит их «срастание».

Вопрос о синтактике слова как основной номинативной единицы в интересующем нас аспекте сводится к одной из магистральных в семантике проблем - соотношению между лексическим значением слова и его сочетаемостью, поскольку любая единица номинации в процессе порождения высказывания не ведет себя изолировано. Ее предметно-понятийное содержание требует для своей реализации определенной сочетаемости (узальной - для нормативного воплощения и окказиональной - для переосмысленного). Стилистическая окрашенность/неокрашенность требуют подбора других необходимых языковых средств. Кроме того, грамматическая валентность языковой единицы обуславливает строение всей конструкции. С позиции слушающего только в высказывании та или иная единица номинации приобретает определенность своего лексического значения. Даже простейшая ситуация уточняет значение, используемой в ней единицы (определяет, конкретизирует, расширяет, сужает, рождает окказиональное значение или актуализирует не проявлявшиеся ранее аспекты семантики). В самом же сообщении грамматические различия мотивированы различиями семантическими. Всякая грамматическая конструкция выражает значение, которое может быть выявлено путем сравнения различных конструкций как в рамках одного языка, так и пересекая языковые границы. Различия в сочетаемости определяются различиями в семантике тех или иных единиц номинации [Вежбицкая 1992: 5]. Между значениями единиц номинации и конструкций, членами которых они являются, не прослеживается строгой границы. Это касается не только служебных, но и

полнозначных единиц. В этой связи отметим еще один важный вывод А. Вежбицкой: «значение слова, в принципе должно описываться не изолированно, но только в составе соответствующей конструкции» [Вежбицкая 1992: 5]. Грамматика лишь кодирует значения, представляя собой систему правил для порождения и декодирования осмысленных высказываний. Значения, закодированные в грамматических конструкциях, принадлежат к тому же типу, что и лексические значения, поскольку в обоих случаях проявляются различные конфигурации тех же самых концептуальных примитивов [Вежбицкая 1992: 31]. Роль же грамматических знаний в значительно меньшей свободе выбора, чем имеющейся в наличии у лексики. Кроме того, речь, по А. А. Уфимцевой, - это та область языка, тот реально функционирующий язык, где наряду с системными значимостями словесных знаков возникает в целях коммуникации бесконечно большое число новых смыслов (смысл словосочетания, смысл фразы, смысл высказывания) [Уфимцева 1968: 227]. В высказывании многое основывается на случайном, внеязыковом, не подчиняющемся законам языка. Однако все, даже самые необычные, словосочетания создаются в акте коммуникации на основе языковых моделей и именно в силу этого они воспринимаются реципиентами. Грамматические значения, обладая категориальными характеристиками, служат для кодирования функциональных данных. Таким образом, говорящий может выбрать необходимые языковые единицы или их формы, в соответствии со своими желаниями в каждой конкретной коммуникативной ситуации. «Грамматика – наука об успешности коммуникации», – утверждает Т. Гивон [Givon 1993: 36]. Контекстуальные модели выступают определяющими для планирования и понимания значительного количества коммуникативных качеств, обычно объединенных в терминах прагматики, в частности, теории речевых актов. Они, однако, также играют важную роль в мониторинге и интерпретации стилистической вариативности, поскольку выбор лексики и порядка слов выступает функцией коммуникативного контекста, или даже скорее ментальной репрезентацией коммуникативной ситуации в контекстуальных моделях [van Dijk 1995: 253]. "Неформальный" контекст, представленный в подобных моделях, определяет выбор "неформальных" лексических вариантов для выражения конкретного значения. Именно поэтому информация, организованная в контекстных моделях, отражает способы их формулировки в высказывании. Контекстные модели также определяют точку зрения, перспективы и связанные с ними воззрения, которые могут быть заложены в них и реализованы в высказывании. Переход от замысла к конкретному высказыванию в грамматике говорящего начинается с выбора синтаксической модели (структурной схемы), образуемой определенным количеством и качеством функционально-синтаксических позиций [Норман 1994: 118]. Высказывание должно обладать определенной структурой, обеспечивающей адекватность воплощения и передачи замысла продуцента, определенной информационной ценности. В этом смысле, синтаксические единицы несут на себе определенный набор сведений, а лексические единицы являются лишь средством их формирования.

В результате действия функциональной переориентации отдельные лексические единицы в рамках высказывания могут приобретать узуально не закрепленные значения, которые могут быть адекватно декодированы лишь в рамках узкого контекста. Кроме того, при реализации свободных связей слова его непосредственный контекст является переменным, и поэтому в отдельных ситуациях провоцирует трудности в определении значения исследуемого слова (*ground — velvety ground, soft ground, barren ground, black ground* и т. д.). Слово в языке существует во всей совокупности своих грамматических и семантических признаков, представляя лексему как единицу структуры языка. Лексема же является основой всех его конкретных реализаций в цепи высказывания. Все же высказывание выступает результатом, с одной стороны, выбора требуемой лексической единицы, а с другой — ее соединения с другими лексическими единицами. Следовательно, функционируя в различных ”узких” контекстах, слово каждый раз раскрывает один из своих парадигматических признаков. Системный семантический контекст манифестации ЛСВ слова можно назвать структурным, так как семантические указания к реализуемому значению слов идут не только от набора лексически сочетающихся с ним слов, но в равной мере и от принадлежности их к определенным семантическим категориям, и от моделей их лексической и синтаксической сочетаемости. Это — та постоянная и обязательная часть семантического контекста слова, которое составляет структурную основу и неперенные языковые условия разграничения и ЛСВ. Системный семантический контекст состоит из: 1) семантически членимого слова; 2) лексически сочетающегося ключевого слова; 3) модели глубинной лексической сочетаемости; 4) модели синтаксической сочетаемости [ОЯ 1972: 430-431]. При любом сочетании слов в синтагматике новое включается, как ”новый ряд старого вида”. Для лексико-семантической системы современного английского языка особое значение приобретают как семантический, так и лексико-морфологический типы контакта, которые связаны не только с законами лексической сочетаемости, но и с синтаксическими функциями слов, порядком их следования и моделями сочетаемости. Взаимосвязь этих критериев представляется решающей для лингвистического анализа функциональной переориентации языковых единиц, т. е. ее последствий в высказывании.

В современном английском языке, кроме того, два типа информации, которые представляются словом - информация о предметной соотнесенности данного слова и информация, необходимая для описания конкретных ситуаций в синтагматике, играют относительно одинаково важную роль в обеспечении адекватности коммуникации.

Литература

Алиева В. Н., Сидоренко И. Я. Эмиграционная трансформация наречий как один из способов пополнения предлогов в русском языке // Функциональная лингвистика. Принципы организации текста. — Симферополь: CLC, 1996. — С. 3—5.

- Вежбицкая А. Семантика грамматики: Пер. с англ. - М.: ИНИОН РАН, 1992.
- Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. — К.: Наукова думка, 1988.
- Григорян А. А. Междометия в системе частей речи английского языка (аспекты взаимодействия классов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ленингр. гос. ун-т. — Л., 1988.
- Зернов Б. Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
- Князева Н. Л. Модальные слова в системе частей речи современного английского языка (аспекты взаимодействия классов слов): Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Санкт-Петербургск. гос. ун-т. - СПб, 1993.
- Лукин М. Ф. Переход частей речи или их субституция? // Филол. науки. — 1982. — №2. — С. 78-80.
- Лукин М. Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке // Филол. науки. — 1986. — №3. — С. 49-56.
- Муравьева Е. В. Прагматическое транспонирование предложений, переходящих в функциональный класс релятивов (на материале английского языка) // Питання германської філології та методика викладання германських мов. - Житомир: ЖДПІ, 1996. - С. 93-95.
- Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. — СПб.: Изд-во СПбУ, 1994.
- Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б. А. Серебрянников.— М.: Наука, 1972.
- Рассоха М. Н. Становление разряда частиц в английском языке (диахроническое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ленингр. гос. ун-т. —Л., 1982.
- Современный русский язык. Анализ языковых единиц. Ч. II. Морфология / Под ред. Е. И. Дибровой. — М.: Просвещение: Владос, 1995.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968.
- Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. — М.: Наука, 1986.
- Dijk T. A. van. Discourse Semantics & Ideology // Discourse & Society. — 1995. — Vol. 6, № 2. — P. 243–290.
- Givon T. English Grammar: A Function-based Introduction. — Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- International Encyclopedia of Linguistics / Ed. by W. Bright. — Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Traugott E. C. On the Rise of Epistemic Meanings in English: An Outline Example of Subjectification in Semantic Change // Language. — 1989. - № 65. — P. 31–55.